

CULTURAL MEMORY OF MIGRANTS AND THE HOST SOCIETY IN THE EPOCH OF MULTICULTURALISM

Andreas Buller (a), Andrei A. Linchenko (b)

(a) Ministry of Social Affairs and Integration of the Federal State of Baden-Württemberg. Stuttgart, Germany. E-mail: andreas.buller[at]gmail.com

(b) Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia. E-mail: linchenko1[at]mail.ru

Abstract

The subject of this article is the analysis of the peculiarities of the relationship between the cultural memory of migrants and the host society taking classic immigration countries (USA, Canada) and EU countries as an example. The article is devoted to the analysis of the relationship between the memory of migrants and the host society at the informational, communicational, institutional and value levels. It was shown that in the era of multiculturalism, cultural memory is an important symbolic resource of the relationship between migrants and the host society. At the same time, cultures of migrants' memories are more likely to fit into the framework that the host society provides them and which are reflected in the specifics of the politics of memory of state and non-state actors. In multicultural society, the conflict memories of migrants are not pushed out to the periphery of cultural relations, but rather, they receive the right to declare themselves. At the institutional level, a tendency to consider the memory and history of migrants as a secondary experience in educational literature has been identified. The key problem continues to be the representation of the historical experience of migrants in major European museums, as well as the peculiarities of attitudes towards the memory of migrants in museums of post-socialist countries of Eastern Europe. In the USA and Canada, the tendency of nationalization of migrants' memories by museums, the desire to include them into a large national history was revealed. The value level demonstrates a significant departure from the ideas of ethnocentrism in turning to the past. At the same time, actualization of the values of cultural memory of migrants was considered in the context of common attitude towards ethnic and religious minorities, which reflects the general heterogeneity of cultural memory abroad.

Keywords

migration; cultural memory; multiculturalism; cultural boundaries; politics of memory; museums; history books; collective memories; historical consciousness

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Буллер Андреас (а), Линченко Андрей Александрович (б)

(а) Министерство по социальным вопросам и интеграции федеральной земли Баден-Вюртемберг. Штутгарт, Германия. E-mail: andreas.buller[at]gmail.com

(б) ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Россия. E-mail: linchenko1[at]mail.ru

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является анализ особенностей взаимоотношения культурной памяти мигрантов и принимающего общества на примере классических иммиграционных стран (США, Канада) и стран Евросоюза. Статья посвящена анализу взаимоотношения памяти мигрантов и принимающего общества на информационно-коммуникативном, институциональном и ценностном уровнях. Показано, что в эпоху мультикультурализма культурная память оказывается важным символическим ресурсом взаимоотношения между мигрантами и принимающим обществом. Вместе с тем, культуры воспоминаний мигрантов скорее встраиваются в те рамки, которые им предоставляет принимающее общество и которые отражаются, прежде всего, в специфике политики памяти государственных и негосударственных акторов. В мультикультурном обществе конфликтные воспоминания мигрантов не вытесняются на периферию культурных взаимоотношений, но скорее получают право самим заявлять о себе. На институциональном уровне была выявлена тенденция рассматривать память и историю мигрантов как второстепенный опыт, в большей мере характерная для учебной литературы. Ключевой проблемой продолжает оставаться репрезентация исторического опыта мигрантов в крупных европейских музеях, а также особенности отношения к памяти мигрантов в музеях постсоциалистических стран Восточной Европы. В США и Канаде была выявлена тенденция национализации музеями воспоминаний мигрантов, стремление вписать их в большую национальную историю. Ценностный уровень обнаружил существенный отход от идей этноцентризма в обращении к прошлому. Вместе с тем актуализация ценностей культурной памяти мигрантов рассматривается за рубежом неотделима от отношения к этническим и религиозным меньшинствам, отражая тенденции к усилению гетерогенности культурной памяти.

Ключевые слова

миграция; культурная память; мультикультурализм; культурные границы; политика памяти; музеи; учебники истории; коллективные воспоминания; историческое сознание

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха мультикультурализма способствовала не только формированию «общества разнообразия», но и существенно расширила понимание динамики внутренних культурных границ. Культурная память оказалась той средой, где взаимоотношение между мигрантами и принимающим обществом приобретает особое значение в силу того, что право на собственную память является одной из наиболее интимных сторон жизни человека, группы, сообщества. Вместе с тем при более внимательном взгляде становится очевидным, что как принимающее общество, так и мигранты не стремятся полностью отказаться от «своего» прошлого ради Другого. Взаимоотношение культурной памяти мигрантов и принимающего общества оказывается растянутым во времени процессом узнавания и признания Другого, где более или менее настойчивой политике памяти принимающей стороны могут противостоять не менее настойчивые попытки мигрантов сохранить свою культурную самобытность. Ситуация, однако, усложняется конкретным социально-политическим и культурным контекстом той страны, где разворачивается данное взаимоотношение. Соответственно, основной тезис и гипотеза нашего исследования состоит в необходимости учитывать специфику различных сред мультикультурализма в процессе взаимоотношения памяти мигрантов и принимающего общества.

Проблемы памяти мигрантов являются одной из сторон их культурной интеграции.

Говоря о культурной интеграции мигрантов, следует указать на три важных момента, которые будут структурировать наш последующий анализ. Во-первых, относительно стран Европейского союза и Северной Америки необходимо разделение на «классические» иммиграционные страны (США, Канада, а за пределами Северной Америки – Австралия и Новая Зеландия) и государства Европы, где значительная часть населения проживает уже несколько веков. Зарубежные исследователи Ян Мотте и Райнер Олигер различают общества «общих воспоминаний» (*shared memories*), к которым они относят классические иммиграционные страны, включающие воспоминания мигрантов в национальные нарративы, и общества «разделенных воспоминаний» (*divided memories*), к которым они относят большинство европейских стран, отделяющих воспоминания мигрантов от культурной памяти принимающего общества (Motte & Ohliger, 2006). Во-вторых, следует принимать во внимание тот факт, что сама культурная память представляет собой динамическое единство как минимум трех уровней, задающих специфику взаимодействия мигрантов и принимающего

общества. Данная специфика, как отмечают отечественные исследователи, связана с информационно-коммуникативным, институциональным и ценностным уровнями культурной памяти (Аникин, 2011, стр. 113). В-третьих, следует иметь в виду, что несмотря на неоднородность культурной памяти в США, Канаде и Евросоюзе, мигранты вынуждены учитывать особенности коммеморативного контекста, ключевое значение в котором в послевоенное время занимают темы Второй мировой войны, Холокоста и, применительно к Евросоюзу, общеевропейской памяти.

Целью нашей работы является анализ особенностей взаимоотношения культурной памяти мигрантов и принимающего общества в классических иммиграционных странах (США, Канада) и странах Евросоюза, лишь в последние полвека превратившихся в иммиграционные (Германия, Франция, Великобритания). Мы постараемся посмотреть на процесс взаимоотношения памяти в свете указанных уровней культурной памяти и выделить доминирующие тенденции, характерные для Северной Америки и Европы. Источниками нашей работы являются многочисленные исследования памяти мигрантов (Creet & Kitzmann, 2011; Hintermann & Johansson, 2010; Palmberger & Tošić, 2012; Glynn & Kleist, 2012a; Eder & Gassert, 2017; Jikeli & Allouche-Benayoun, 2013b), проводившиеся в последние три десятилетия за рубежом, а также наше собственное исследование русскоговорящих жителей Германии и Польши, предпринятое при поддержке ДААД и Министерства интеграции федеральной земли Баден-Вюртемберг (Линченко & Головашина, 2019). Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, который предполагает, что восприятие прошлого, отбор значимых свидетельств о нем и способы их конфигурации предопределяются и формируются социально-культурными контекстами и практиками памяти и забвения. Иначе говоря, содержание памяти и формы его организации будут обуславливаться характером задач, которые видятся приоритетными в культуре, и зависимостью от способов деятельности. Они же будут детерминировать и способы использования прошлого для достижения тех или иных целей. Более того, наличие этой корреляции может забываться и восприниматься как некоторое естественное и само собой разумеющееся положение дел.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: В ПОИСКАХ РАЗНООБРАЗИЯ

Российский исследователь Владимир Малахов полагает, что термин «мультикультурализм» появился в контексте проблем организации культурного разнообразия в западных обществах в 80-е годы

прошлого столетия. Он отмечает, что «в строгом смысле слова это институционализация культурных различий. Государство отходит от свойственного либерализму принципа гомогенности публичной сферы (при котором все культурные различия вытесняются в частную сферу) и обращается со своими гражданами не только как с индивидами, но и как с представителями этнокультурных групп» (Малахов, 2014, стр. 97). В своей работе он убедительно показал, что несмотря на риторический тезис о «смерти мультикультурализма» в западных СМИ, политика мультикультурализма продолжается и в современных условиях даже получает расширение в европейских странах. Сходной точки зрения в отношении всех развитых стран придерживается и Ирина Семененко, которая отмечает, что «хотя в последние годы мультикультурализм стал объектом самых ожесточенных дискуссий, альтернативных моделей интеграции инокультурных сообществ не найдено» (Семененко, 2006, стр. 69). При этом сама политика мультикультурализма в разных странах была различной, что было обусловлено особенностями самих принимающих обществ в странах Европы и Северной Америки.

Как известно, принципиальной особенностью американского варианта мультикультурализма была его ориентация на внутренние проблемы страны, что нашло выражение в стремлении к преодолению как сегрегации афроамериканцев, так и дискриминации других этнических меньшинств. В этом смысле миграционная политика США является прежде всего внутренней политикой и подразумевает общую толерантность не только к приезжающим мигрантам, к этническим и конфессиональным меньшинствам, но и к любым меньшинствам (Борисов, 2007).

В отличие от США мультикультурализм в Канаде не направлен на создание единого национального нарратива, сплачивающего культурные различия. Справедливость сохраняет мнение А.И. Черкасова о том, что принципиальной ценностью канадского мультикультурализма является ориентация на свободу выбора индивидуума в отношении культуры, что запрещает любые практики навязывания этнической культуры доминирующего большинства (Черкасов, 1988, стр. 85). Характерно, что данная практика распространяется и на отношение к ценностям большинства. Мультикультурализм в Канаде объявлен государственной политикой и основывается на понимании культурного разнообразия как важнейшего символического ресурса канадского общества. Специфика канадского мультикультурализма получала название «мультикультурной мозаики», а также «миски салата». Это означает сосуществование культур и процесс их постоянного переме-

шивания, при отсутствии растворения в доминирующей культуре англосаксонского большинства (Сизов, 2012).

Как показывает исследование В.С. Малахова, западноевропейский опыт политики мультикультурализма также имел специфику в каждой из стран. Например, в Нидерландах и Швеции говорят о государственном патронаже в отношении этнокультурных меньшинств. Имеются в виду программы социальной поддержки определенным группам, выделенным государством. Иная ситуация сложилась в Великобритании, где «различиям позволяют существовать, но их не спонсируют <...> принципиальная особенность британского случая заключается в институционализации «расовых отношений» (race relations). Государство пользуется расовыми категориями для учета населения, а также для правовой защиты уязвимых групп» (Малахов, 2014, стр. 101).

Исходный принцип британской политики может быть сформулирован как «единство в разнообразии», что означает содействие государства и общества культурным инициативам мигрантов и этнических групп, возможность делегирования их представителей в системы здравоохранения и образования. В отличие от него французский вариант делал акцент на гражданскую принадлежность мигрантов принимающему обществу, относя этнические, культурные и религиозные вопросы к сфере частной жизни иммигрантов (Цапенко, 2008). При этом для некоторых сообществ мигрантов (мусульмане), равно и как для этнических меньшинств (евреи) допускаются различные послабления в рамках образовательного процесса и сферы потребления.

Иная ситуация сложилась в Германии, которая сегодня является лидером Евросоюза по приему мигрантов. Особенность Германии состоит в том, что, несмотря на интенсивный приток иммигрантов во второй половине XX века из Турции, Югославии и бывших советских республик, она только в 1990-е годы де-факто признала себя иммиграционной страной. Если до этого наиболее благоприятные условия действовали только в отношении этнических немцев, переселявшихся в Германию из стран бывшего СССР, то в 1990-е годы регулирование трудовой миграции превратилось в важный элемент интеграционной политики государства. Ставка была сделана на привлечение высококвалифицированных специалистов, в связи с чем трудовые мигранты распределялись в рамках трех категорий: «желаемые работники», «полезные работники» (претендующие на невостребованные вакансии) и «неизбежные» (не имеющие квалификации, но являющиеся членами семей иммигрантов) (Карачурина, 2008). Вместе с тем уже цитировавшийся выше В.С. Малахов отмечает еще одну важную осо-

бенность немецкой политики мультикультурализма. «Если в Нидерландах и в Швеции государство ориентировалось на цель социального включения новоприбывшего населения, то в Германии такая цель не ставилась <...> целью правительства Германии в отношении мигрантского (в основном турецкого) населения было как раз воспрепятствовать его интеграции. «Гастарбайтерам» надлежало вернуться на историческую родину. Для этого в немецких землях создавались школы с обучением на турецком языке ... государство в ФРГ само создавало условия для существования выходцев из Турции как «параллельного общества» (Малахов, 2014, стр. 103). Подчеркивается, что данная практика регулировалась законодательством, которое действовало до конца 1990-х годов, создававшего высокие барьеры для натурализации иммигрантов и исключения их из политической жизни общества.

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В «ОБЩЕСТВЕ РАЗНООБРАЗИЯ»

После Второй мировой войны западные страны столкнулись с возрастающей потребностью в рабочей силе, что интенсифицировало глобальную трудовую миграцию. Однако до начала 1980-х годов общим для большинства западных стран оставалась мысль об ассимиляции мигрантов как наиболее оптимальной форме их интеграции. Взаимоотношение мигрантов и принимающего общества на уровне культурной памяти также приобретало однозначный характер, следствием чего являлось не только невнимание принимающего общества к культурной идентичности мигрантов и ее воплощениям в различных практиках, но и отсутствие попыток научного изучения данной темы. Предполагалось, что мигранты, прибывающие в страны Западной Европы и Северной Америки, должны были просто как можно быстрее утратить свою идентичность, что находило отражение в емкой формуле: контакт – соревнование – приспособление – ассимиляция (Hahn, 2002, p. 34).

Мультикультурализм способствовал формированию представлений об «обществе разнообразия», где сама культура памяти принимающего общества не является однородной. Даже события Второй мировой войны и Холокост, при всем их значении для западной культурной памяти, обнаруживали существенную гетерогенность восприятия. В этих условиях возрастала не только роль меньшинств, но и потребность в обращении к культурам воспоминаний мигрантов, которые до 1980-х годов существовали скорее в виде «параллельных» сообществ памяти. Соответственно интеграция мигрантов и их культур воспоминаний оказывалась двухсторонним процессом признания

Другого в качестве полноправного члена общества и носителя культурной памяти.

Культурные различия всегда были и остаются неотъемлемой частью человеческой истории. Однако именно в новейшей истории стало возможным объединение самых различных — религиозных, культурных и этнических — нарративов в одну национальную историю — историю «нашего» общества — которая, надо признать, конституируется конечно под влиянием коллективного сознания, но принципиально на индивидуальном уровне, т.е. формируется отдельным человеком с точки зрения его личной, социальной, этнической и религиозной перспективы. В «обществе разнообразия» (нем. «Vielfaltgesellschaft») все эти индивидуальные исторические перспективы и конструкции неизбежно пересекаются и соприкасаются друг с другом, ибо все члены этого общества живут в одной и той же стране и в одном и том же настоящем. И именно точка их пересечения или соприкосновения образует социальную базу общих воспоминаний нового, рождённого в процессе миграции и глобализации, общества, которое обозначают коротким словом «мы». В коллективных воспоминаниях общества разнообразия смешались самые различные культуры, но все они являются составной частью одного и того же «мы».

Однако было бы ошибкой полагать, что это разнообразие и перемешивание происходит стихийно. Анализ зарубежных исследований показывает, что культуры воспоминаний мигрантов скорее встраиваются в те рамки, которые им предоставляет принимающее общество и которые отражаются прежде всего в специфике политики памяти государственных и негосударственных акторов. Совершенно справедливо отмечает немецкий исследователь Арндт Бауэркэмпфер, что «в этот переходный период воспоминания становятся источником согласования, и культуры памяти изменяют структуру особенно фундаментально. В этом процессе мигранты оказываются вынуждены позиционировать себя в отношении доминирующих нарративов» (Bauerkämper, 2017, p. 43). Применительно к государствам Северной Америки и Западной Европы, как мы показали в предыдущем параграфе, такими общими рамками оказываются память о событиях Второй мировой войны, Холокост и тема общеевропейской памяти. Следует также заметить, что тема культур воспоминаний мигрантов в западных обществах оказывается частью более широкого дискурса о правах этнических, религиозных и расовых меньшинств и их культур воспоминаний. Как показывают работы зарубежных исследователей, данная тенденция характерна как для европейских государств, так и для США и Канады. В данном случае именно Холокост превращается сегодня не

просто в событие международного масштаба, но оказывается источником формирования системы ценностей при обращении к геноцидам, формам массового насилия и политическим, этническим и религиозным репрессиям, где сообщества мигрантов и этнических меньшинств оказываются на одной стороне. Рассмотрим представленные тезисы подробнее на информационно-коммуникативном, институциональном и ценностном уровнях.

ПАМЯТЬ В МИГРАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

Эпоха мультикультурализма актуализировала рост интереса к культурам воспоминаний мигрантов прежде всего на информационно-коммуникативном уровне. Это касается как интереса к самому историческому опыту мигрантов, особенностям их воспоминаний, так и попыток переосмысления ключевых событий европейской, канадской и американской истории в контексте миграционных процессов. Достаточно сказать, что последние два десятилетия были связаны с появлением целого ряда сборников статей и монографий, отражающих те или иные проблемы воспоминаний мигрантов в принимающих обществах Запада (Creet & Kitzmann, 2011; Hintermann & Johansson, 2010; Palmberger & Tošić, 2012; Glynn & Kleist, 2012a; Eder & Gassert, 2017; Jikeli & Allouche-Benayoun, 2013b). Реакцией на это стало активное развитие темы памяти мигрантов в рамках такого междисциплинарного направления исследований как *memory studies*, что нашло отражение не только в публикациях, но и в работе отдельных секций международных научных конгрессов Ассоциации исследований памяти (Memory Studies Association). Данные исследования были инициированы ростом интереса к общим проблемам культурной идентичности сообществ мигрантов, диаспор и вынужденных переселенцев. Однако к настоящему моменту тема памяти мигрантов не только не уступает в количественном и качественном отношении исследованиям идентичности, но и, как подчеркивают авторы, привела к осознанию того, что «принадлежность к той или иной группе является результатом воспоминаний» (Glynn & Kleist, 2012a, p. 9).

Говоря о взаимоотношении культурной памяти мигрантов и принимающего общества на информационно-коммуникативном уровне, нам следует иметь в виду три основных фактора, оказывающих влияние на данный процесс. Во-первых, речь идет об особенностях самого принимающего общества и его исторической политики. Во-вторых, речь идет об особенностях самой идентичности и культуры воспоминаний мигрантов, ее связи с культурными и в первую очередь религи-

озными представлениями общества исхода. И, в-третьих, значимым фактором оказывается динамика поколений мигрантов, в особенности иммигрантов второго и третьего поколений.

Важная роль принимающего общества и его исторической политики была выявлена нами в процессе исследования русскоязычных мигрантов в Польше (выходцы из Украины, Белоруссии и России, осень 2017 года) и ФРГ (русские немцы, весна 2018 года). В исследованиях использовались качественные методы получения информации, и, в частности, метод структурированного интервью. Всего нами было собрано и обработано 58 интервью (20 – в Польше и 38 – в Германии) (Линченко & Головашина, 2019, стр. 84). «Восточная политика» Польши в целом определяется историческими стереотипами, а поэтический образ прошлого и сложившийся нарратив ценится выше, чем исторические факты. За основными темами, которые обсуждают современные историки Польши (сопротивление социалистическому режиму [советским оккупантам], стремление к объединению страны и т.д.) скрывается актуализация основного рефрена польской национальной истории – национальной жертвенности и солидарности поляков. В отличие от исторической политики в Польше, историческая политика в Германии представляется более многогранной. Как известно, начиная с 60-х годов XX века ее основным лейтмотивом является тема «преодоления прошлого», предполагавшая демократизацию общественного дискурса об истории, формирование исторического сознания на принципах гражданского общества.

Нами было выявлено, что большинство опрошенных как в Польше, так и в Германии, вне зависимости от времени нахождения в принимающей стране продолжают определять себя как русские (украинцы, белорусы). Это во многом является отражением реакции принимающего сообщества на выходцев из всех стран бывшего Советского Союза как на русских (хотя в Польше в последние годы в связи с резким наплывом украинцев оно меняется – теперь почти все мигранты, обладающие так называемым «восточным» акцентом, принимаются за украинцев). Многие в интервью начинают определять себя как себя как «человека между двух миров» (Линченко & Головашина, 2019, стр. 85). При отсутствии работающих моделей диалога различных групп памяти в Польше мигранты сами находят и/или создают модели взаимодействия в зависимости от личной интерпретации полученной на родине исторической информации, опыта жизни в Польше, социального окружения и т.д. Нами были выявлены четыре стратегии взаимоотношения с историческим нарративом польского общества: отказ от конкуренции, отрицание личной связи с трагическими событиями

прошлого, выбор исторического нарратива страны исхода, согласие с историческим нарративом принимающего сообщества. Стратегия, которой в целом придерживались большая часть опрошенных мигрантов в Польше – это отказ от конкуренции. В основном ее выбирают молодые люди, которое прожили в Польше или Германии несколько лет. Приезжая, мигранты не отказываются от своего исторического нарратива, но и не готовы принять новый, поэтому они или 1) пытаются снизить значение прошлого в современной жизни, или 2) отрицают личную связь с конфликтными событиями прошлого.

Иная картина складывается при обращении к интервью, собранным в Германии. С одной стороны, как и в Польше, респонденты продемонстрировали огромную важность темы переезда, указав на то, что после него у них началась новая жизнь. Не менее значимыми оказались темы интеграции и ностальгии. Однако, с другой стороны, особенности исторической политики в современной Германии не отличаются враждебностью к другим культурам памяти и интерпретациям истории. Это обстоятельство стало причиной того, что выявленную при анализе польских интервью типологию способов отношения мигранта к историческому нарративу принимающей страны мы не смогли обнаружить в рамках эмпирического исследования. Русскоговорящие переселенцы в Германии вообще не призваны делать какой-либо выбор в пользу одной интерпретации истории, просто потому что этой единой интерпретации истории, как и единого учебника истории, в Германии просто нет. Каждая федеральная земля определяет свой круг вопросов изучения истории и использует свой земельный учебник истории. У русскоговорящих мигрантов нет потребности к трансформации семейной памяти и выбору однозначной линии интерпретации истории страны исхода. Принципиальное значение для русскоговорящих мигрантов в данной среде приобретают возрастные особенности, оказывающие влияние на интерпретацию истории страны исхода, фактов и событий семейной памяти, ностальгии, конфигурацию значимых воспоминаний о прошлом. Было выявлено, что русскоязычные мигранты демонстрировали потребность в переносе некоторых традиций и практик культурной памяти страны исхода (культура досуга, культура быта, праздники) на принимающее немецкое общество (Линченко & Головашина, 2019, стр. 88).

Примеры Германии и Польши являются одними из наиболее ярких примеров влияния исторической политики принимающего общества на особенности воспоминаний сообществ мигрантов. Зарубежные исследователи отмечали сходные тенденции в отношении использования памяти мигрантов как среды их политического инкорпорирова-

ния в Ирландии. Примечательно, что в этой стране в 1990-е годы в ходе дебатов о предоставлении убежища беженцам активно использовалась историческая память о голоде в Ирландии. Это в свою очередь накладывало на миграционную политику особенности культурной памяти принимающего общества, от имени которой сообществам мигрантов указывалось на их социальную принадлежность и возможность получить вид на жительство и даже гражданство в республике (Glynn, 2012, p. 184). Здесь также можно указать и на характер вопросов по истории США к экзамену на получение американского гражданства, которые до сих пор отражают преимущественно вопросы политической и правовой истории США (Савельева & Полетаев, 2008, стр. 421-425).

Как мы отмечали ранее, вторым не менее важным фактором взаимодействия культурной памяти мигрантов и принимающего общества на информационно-коммуникативном уровне являются особенности самой идентичности и культуры воспоминаний мигрантов, ее связи с культурными и в первую очередь религиозными представлениями общества исхода. Показательной является коммеморация Холокоста в Европе среди сообществ мигрантов, различающихся этническим происхождением и религиозными представлениями. Несмотря на то, что понимание и принятие коммеморации Холокоста являются важными моментами для социализации любых мигрантов в Германии, зарубежными исследователями было выявлено, что не менее распространенной в культуре памяти арабских граждан ФРГ является самовиктимизация (self-victimization). Позиция арабских и шире части мусульманских сообществ в Германии состоит в требовании признать арабов такими же жертвами израильской агрессии, как и евреев – жертвами Холокоста. Так, в 2005 – 2007 гг. немецкий историк Гюнтер Якели провел интервьюирование 117 молодых мусульман в Берлине, Париже и Лондоне. Исследование выявило существенный недостаток знаний о Холокосте. Более того, значительное количество респондентов принижали значение Холокоста и стремились показать его рядовое значение в ряду других геноцидов и, в частности, бедственном положении палестинцев под израильским правлением. Немецкий исследователь показывает высокий уровень антисемитизма и конспирологических теорий, а также отмечает, что они не столько оправдывали немцев, сколько отрицали тезис о коллективной немецкой вине. Вместе с тем, с точки зрения цифр исследования, ситуация выглядит достаточно противоречивой. С одной стороны, 17 % мусульман в Великобритании верят в то, что Холокост переоценен и число еврейских жертв преувеличено (Jikeli, 2013a, p. 106). Отмечаются исследования

французских коллег, указывающих на то, что учителя в школах с большим количеством детей из мусульманских семей стремятся игнорировать Холокост как учебную тему на своих уроках (Whine, 2013, p. 35). К этому можно добавить противоречивое отношение мусульманских сообществ в Европе к празднованию Международного дня памяти жертв Холокоста (27 января). Показательно, что с 2000 по 2007 годы эта коммеморация бойкотировалась Советом мусульман Великобритании. Сходная ситуация наблюдалась и в Италии, где Союз итальянских мусульманских общин оказался в стороне от годовщины. Во Франции мусульманские сообщества принимали участие лишь в коммеморациях 2006 года (Bauerkämper, 2017, p. 42). С другой стороны, тот же Г. Якели отмечает, что большинство мусульман в Европе отрицают антисемитизм и рассматривают Холокост как преступление против человечности. Радикализм суждений оказывается свойствен прежде всего лицам, вовлеченным в той или иной степени в арабско-израильское противостояние (Jikeli, 2013a, p. 118). Интерес вызывает позиция мусульманских сообществ в Германии и Нидерландах, где наиболее значимые мусульманские организации активно принимают участие в коммеморациях. Выразительным является пример сотрудничества союза турок федеральной земли Берлин-Бранденбург и еврейских организаций, последовательно осуждавших любые проявления расизма и выступавших за солидарность еврейских и мусульманских меньшинств, а также мигрантов, прибывающих в Германию (Bodeman & Yudrakul, 2008). Исследователи указывают также и на позитивный опыт интеграции культуры воспоминаний турецких мигрантов в Нидерландах в европейскую культуру памяти о Холокосте (Stremmelaar, 2017, p. 78).

Как мы отмечали выше, важную роль в процессе взаимоотношения памяти мигрантов и принимающего общества играет динамика поколений мигрантов. Общеизвестно, что уже представители второго поколения оказываются в большей мере интегрированы в культуру принимающего общества, начинают рассматривать ее как свою собственную культуру. Однако действительность мультикультурного общества порождает более сложные формы восприятия прошлого детьми и внуками мигрантов. Это, как отмечают, Виола Георги и Райнер Олигер, – авторы сборника статей «Историческое сознание молодежи в миграционном обществе», – позволяет говорить о «калейдоскопе воспоминаний» (Georgi & Ohliger, 2009, p. 8). Авторы статей вышеназванного сборника ограничили свой анализ культурной памяти исследованием исторического сознания одних только молодых мигрантов, что, однако, не является случайностью, потому что именно

молодые мигранты оказались «на перепутье» исторических суждений и воззрений миграционного общества. Историческая концепция молодых мигрантов включает в себя как традиционные взгляды их родителей, так и представления о прошлом, которые они впитали в стране их проживания. Издатели сборника указали на пять различных способов «присвоения прошлого» мигрантской молодёжью:

1. Традиционные исторические представления. Молодёжь с миграционным прошлым ориентируется на исторические представления страны своего происхождения. Правда, иногда эта ориентация нарушается принадлежностью к особой группе страны своего происхождения (с подобной проблемой сталкиваются, например, турецкие курды или же русские немцы, которые имеют свою особую, отличающуюся от страны их происхождения, историю).

2. Рецептливное историческое сознание. Молодёжь с миграционным прошлым перенимает общепринятую (коллективную) интерпретацию своего нового общества, что иногда ведёт к противоречиям между «традиционными» и «рецептивными» представлениям о прошлом.

3. Диаспорическое сознание. Молодые люди с миграционным прошлым обладают диаспорическим сознанием, потому что они определяют свою историческую идентичность в рамках своей диаспоры. Таким образом они формируют не только своё собственное, но и коллективное сознание своей диаспоры.

4. Гибридное или плюралистичное историческое сознание. Молодёжь с миграционным прошлым имеет транснациональное или гибридное историческое сознание, которое включает в себя элементы прошлого различных наций и культур.

5. Исторический вакуум. Молодые люди с миграционным прошлым постоянно рискуют оказаться в историческом вакууме, который может возникнуть по причине утери связи с традиционной историей и их исключения из национального сообщества (дискриминация). В таком случае возникает угроза, что молодые люди иностранного происхождения окажутся «лишёнными воспоминаний» людьми (Georgi & Ohliger, 2009, p. 12-13).

Особенность принимающего общества эпохи мультикультурализма состоит также в предоставлении возможностей публичной сферы для тех культур воспоминаний и значимых событий, которые не могут быть встроены в существующую конфигурацию коллективных воспоминаний большинства. Соответственно, воспоминания мигрантов не вытесняются на периферию культурных взаимоотношений, но скорее получают право самим заявлять о себе. Явные и скрытые кон-

фликты между культурной памятью принимающего общества и мигрантами не столько преодолеваются, сколько приобретают различные формы протекания. И здесь эмпирические исследования снова возвращают нас не столько к принимающему обществу, сколько к самим сообществам мигрантов. Например, в исследовании Лоурен Гийот подробно анализируется культура воспоминаний сообщества курдов во Франции. Исследовательница сравнивает коллективные воспоминания курдов во Франции и в Турции. Она отмечает, что община, живущая во Франции, поместила себя в некое подобие «мемориального гетто», построив вокруг мифа о возвращении «замороженное» представление о регионе исхода. Невозможность скорбеть на родной земле обернулась в этой общине стремлением защитить память от интеграционных процессов принимающего общества, что по мысли активных членов сообщества может привести к утрате традиций и ценностей. Это является источником конфликтности памяти общины по отношению к культурной памяти других меньшинств и доминирующей культуры во Франции. «Каждая ссылка на трудности войны и жестокость высылки усиливает чувства принадлежности к группе. Как следствие, попытки примириться с прошлым оказывают пагубное воздействие» (Guyot, 2011, p. 140). При этом исследование курдских сообществ памяти в Турции показало большую открытость их настоящему и его реалиям.

Завершая анализ информационно-коммуникативного уровня взаимодействия культурной памяти мигрантов и принимающего общества, необходимо указать не только на тезис о неоднородности принимающего общества, но и на фрагментированность культурной памяти сообществ мигрантов. Подобная фрагментированность сама может выступать источником конфликтности в процессе взаимодействия с принимающим обществом. Обращает на себя внимание любопытная статья Негрисы Канефе, которая в своем исследовании публичных деятелей мусульманской общины в Канаде показывает, как воспоминания беженцев и мигрантов из одной и той же страны исхода могут быть различны и выступать предметом политической борьбы в оценках лидеров. Она отмечает, что в то время как воспоминания о доме являются формой надежды для многих беженцев, «ссылка ведет к партикулярному и высоко политизированному жанру воспоминаний персональной, общинной и национальной историй» (Canefe, 2011, p. 170). Изучая фигуры публичных деятелей мусульманской общины в Канаде – Тарека Фатаха и Хайдекха Могхисси, автор отмечает, что в то время как они полностью разделяют память о вынужденной миграции, их публичные заявления иногда «идут недвусмысленно против

коллективных воспоминаний мигрантов из тех же самых стран, откуда они были высланы» (Canefe, 2011, p. 160).

ПАМЯТЬ В МИГРАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Политика мультикультурализма существенно затронула и институциональный уровень взаимоотношения культурной памяти мигрантов и принимающего общества. В данном случае мы опираемся на исследования зарубежных коллег, посвященные отражению темы исторического опыта и коллективной памяти мигрантов в учебной литературе и музейной практике. В отношении как американских, так и канадских учебников истории ситуация представляется достаточно противоречивой. Сразу следует сказать, что исторический опыт мигрантов, переселившихся в США и Канаду, осмысливается, прежде всего, как опыт меньшинств, живущих в США и Канаде сегодня. Это заставляет авторов учебников стремиться к максимальной политкорректности. С одной стороны, учебники истории США уделяют немалое место вопросам колонизации континента, а также содержат существенные отсылки к темам уничтожения коренных жителей Америки и страданиям чернокожих рабов в США. В последние годы вопрос о постепенном включении истории афроамериканцев в историю США и Канады даже получил отдельные исследования (Moreau, 2004, p.137-175; Junne, 2003). В литературе отмечается, что исследования американских учебников, проведенных в 70-е – 80-е годы прошлого века, показали, что «по сравнению с 60-ми годами, меньшинства переместились на центральную сцену американской истории, а авторы учебников трансформировали тексты от едва различимого упоминания черных и других меньшинств в 40-х годах к содержанию важности мультикультурного (и феминистского) компонента в 80-х годах» (Lerner & Nagai, 1995, p. 84). Сходная ситуация сложилась в Канаде, где каждая провинция обладает автономией в вопросах преподавания истории и ориентирует учащихся преимущественно на локальную историю, как правило, связанную с англоговорящими или франкоговорящими переселенцами (Létourneau & Moisan, 2004). История иммигрантов вследствие этого появляется перед учениками в свете локальной истории региона, а также преимущественно содержится в учебниках в разделах о мультикультурализме и расизме (King & Simmons, 2018; Montgomery, 2005). С другой стороны, целый ряд американских учебников истории сохранил достаточно консервативное изложение фактов (Grant, 2003). Стюарт Форстер, посвятивший отдельное исследование образам иммигрантов в американских учебниках истории с

1800 года и по настоящее время, отмечает, что, несмотря на появляющиеся время от времени возгласы о «культе этничности» и «новом мифе, провозглашающем высокие моральные качества меньшинств», существенных изменений в американских учебниках истории не произошло. Это, по его мнению, нивелирует рост внимания к истории меньшинств (Foster, 2006, p. 166). На основе контент-анализа ряда американских учебников он говорит о трех факторах, позволяющих ему видеть отсутствие серьезных изменений в преподавании американской истории в школе. Во-первых, современные образы американской истории, представленные в учебниках, продолжают оставаться националистическими. Речь идет об идее прогрессивности американского общества и западной культуры, национальной гордости. С этой точки зрения, приехав в Америку, мигранты обрели возможность достичь мечты равенства и персональной свободы. Дискриминация, трудности интеграции в таком случае оказываются в стороне, поскольку мигрантам уже изначально повезло оказаться в США. Соответственно, неудачи этнических меньшинств являются не результатом причин, коренящихся в самой общественной системе, а следствием их личной или групповой неудачи. Зарубежные авторы отмечают, что «коренные американцы были лишены своей земли «потому что они не понимали концепции частной собственности на землю»; азиатские рабочие получали низкую заработную плату, потому что они были готовы «работать очень мало»; чернокожие не могли найти хорошую городскую работу, потому что они «были неквалифицированными и необразованными»; чикано [американцы мексиканского происхождения – Л.А.] сталкиваются с проблемами, потому что «они не владеют бегло английским языком ...» (Council, 1980). Второй существенной проблемой большинства современных американских учебников истории признается отсутствие в них темы конфликта и противоречий. Подчеркивается, что «вместо того, чтобы изображать расовую несправедливость и дискриминацию как сознательные акты, совершавшиеся белым обществом, они возникают в учебниках как аморфные «проблемы» для Америки» (Foster, 2006, p. 166). В таком случае рабы просто терпели «тяжелые условия», американцы азиатского происхождения «сталкивались с предубеждениями», а испаноязычные американцы «испытывали дискриминацию». Темы социальных протестов минимизируются, а в отношении базовых институтов американского общества проводится мысль об их способности решить все возникающие противоречия и проблемы. В учебниках доминирует тема консенсуса и исторического оптимизма. Третьей существенной проблемой является проблема самого контекста упоминаний об иммигрантах. Учеб-

ники скорее добавляют этнические группы к основному тексту, чем показывают их место в событиях прошлого, а также уделяют мало места взаимодействию самих групп между собой. Характерно, что подчеркивается вклад тех групп, которые оказались наиболее политически активными и добились большего представительства в политической системе страны (например, афроамериканцы), в то время как испаноговорящие граждане США по-прежнему остаются в тени американской истории (Davis, 1986, p. 80).

Европейские учебники истории демонстрируют картину, которая, тем не менее, зависит от специфики страны. Так, только в Швеции уже в первой половине 1960-х годов учебники уделяли важное место миграционным процессам, в то время как в Австрии и Германии иммиграционный опыт начал включаться в исторический материал только в середине 1980-х годов (Bauerkämper, 2017, p. 41). В целом же исследователи продолжают констатировать факт того, что опыт мигрантов оказывается в большей мере приложением, чем интегрированным аспектом национального нарратива (Lozic & Hintermann, 2010, p. 36). В отличие от США и Канады единая европейская история так и не получила завершающей интерпретации в учебниках истории, поэтому тема миграционного опыта возникает в рамках изучения проблем прав человека в истории (Üllen & Markom, 2016). Это в особенности касается событий недавней европейской истории, и в частности, Второй мировой войны, Холокоста и коммунистических диктатур в Восточной Европе.

Еще одной формой присутствия темы миграции и памяти в европейских учебниках истории является осмысление проблем колониализма и постколониализма. Данный аспект в большей мере характерен именно для европейских учебников истории в сравнении с учебниками в США и Канаде. В современных британских учебниках критически рассматривается история колоний как неотъемлемая часть национальной истории. Они исследуют влияние империи на британское общество и подчеркивают, в какой степени колониальная периферия защищала внутреннюю культурную и социальную жизнь в своей основе, расширяя тем самым область имперской истории в школе. Многие учебники, которые адресованы школьникам в возрасте от 11 до 14 лет, выбирают дискурсивный подход, в рамках которого, как правило, дается ответ на вопрос: «Почему люди до сих пор спорят о влиянии, которое Империя оказала на людей, живущих в то время?», «Что получили и потеряли народы, выйдя из Британской империи?» (Banham, Luff, Culpin, Dawson, 2009, p. 11). Некоторые идут еще дальше и предлагают к изучению имперскую историю в отношении ее последствий

для британского общества сегодня. Тема колониализма связывается в учебниках как с историей империи, так и с присутствием в современной Великобритании постколониальных сообществ мигрантов. Сравнения британские и немецкие учебники, Сьюзан Гриндел дает достаточно оптимистическую оценку изменениям в учебниках, произошедшим в последние три десятилетия. По ее мнению, учебники истории не прошли мимо дебатов о памяти и, изображая колониализм, в разных формах интерпретируют его в духе сегодняшних постколониальных исследований, мультикультурализма и исследований памяти (Grindel, 2017, p. 268). Высокая степень оптимизма прослеживается и в французских учебниках истории, отличительной чертой которых является направленность на «мультиперспективную историю», идею гражданской нации и коммюнитаризм. Однако и в случае французского варианта остаются, в первую очередь, вопросы о согласовании мультикультурализма в преподавании истории с семейной памятью, локальными культурными традициями, а также трудностями учета всех возможных аспектов политики культурного разнообразия (Tutiaux-Guillon, 2017, p. 289).

Не меньшее влияние оказала политика мультикультурализма и на музеи как важные источники трансформации культурной памяти в свете миграционных процессов. В силу того, что музеи и выставки оказываются более гибким инструментом трансформации культурной памяти, тема исторического опыта мигрантов получила в данном формате значительное влияние. Теоретической основой трансформации *museum studies* в свете миграционной проблематики стали идеи Дж. Урри, который, развивая мысль о «путешествующих культурах», неоднократно предостерегал против любых попыток представлять культурное наследие в качестве статичного объекта и формулировать на этой основе антологию музейной теории (Urqu, 1996). Основной упрек Урри состоит в предельной сфокусированности европейских музеев на национальном наследии, которое должно рассматриваться как «создаваемый культурный процесс». Однако только в начале 2000-х годов тема экспонирования памяти и исторического опыта мигрантов получает в Европе существенное развитие. Этому предшествовала серьезная критика Жераром Нуарелем знаменитой концепции французских мест памяти П. Нора, где миграция оказалась лишь в фокусе темы «Французы и чужаки», что скорее исключало их из национальных воспоминаний. Не меньшей критике подвергся и немецкий аналог мест памяти, авторы которого сами честно указали на отсутствие исторического опыта мигрантов в Германии как части немецкой национальной идентичности (Francois & Schulze, 2001).

Надо заметить, что критика немецкого аналога не была случайной в свете провала большинства инициатив левых политиков и представителей сообществ мигрантов в 1990-е годы по созданию национального музея миграции.

Вместе с тем исследования показывают: несмотря на то, что на общегосударственном уровне такая инициатива не получила поддержки, региональные музеи и музеи коммун уже в 1990-е годы активно инкорпорировали воспоминания мигрантов (Ettingshausen, 2009). Во Франции Национальный музей истории миграции был открыт только в 2007 году, а в Великобритании его аналог появился через десять лет. На данный момент музеи миграции открыты в Германии, Нидерландах, Португалии, Испании, Швейцарии, Италии. При этом отмечается, что музеи миграции превращаются в современной Европе в важные «агенты социальных изменений», постоянно получая творческий импульс «снизу» в презентации нарративов все новых этнических групп и меньшинств (Gouriévidis, 2014, p. 9). Тем не менее критики продолжают отмечать, что «вместо того, чтобы инкорпорировать миграцию в национальные воспоминания или даже инкорпорировать их как элементы национальных воспоминаний, европейские общества рассматривают воспоминания мигрантов как параллельную линию» (Glynn & Kleist, 2012b, p. 15).

Следует заметить, что в современной европейской практике имеет место еще одна тенденция, делающая опыт музеефикации памяти мигрантов крайне противоречивым. Речь идет о специфике музеев миграции в странах Восточной и Центральной Европы, ранее входивших в социалистический лагерь. Данная специфика проявляется особенно наглядно при сравнении шведского музея миграции в Готеборге и польского музея миграции в Гдыне. Доклад на эту тему был заслушан одним из авторов этих строк на недавнем III конгрессе Memory Studies Association в Мадриде в июне 2019 года. Так, в докладе Барбары Плеввы данные музеи рассматривались сквозь призму нескольких проблемных вопросов: какие истории рассказываются в музеях, как устроены выставки, насколько они способствуют росту космополитизма, каким образом в музеях представлена европеизация? В докладе было показано, что, несмотря на то, что оба музея активно продвигают тему европеизации, в польском музее доминирует интерес к эмиграции самих поляков в западную Европу и Америку. Тема иммиграции в Польшу после 1990 года представлена всего лишь несколькими документами и является маргинальной. В отличие от музея в Гдыне, шведский вариант выглядит более космополитичным и ориентированным на культуры памяти мигрантов, обосновавшихся в Швеции в

1960-е-2000-е годы. Если польский музей стремиться показать поляков как нацию, сохраняющую себя в эмиграции (национальный космополитизм), то шведский музей ориентирован на интерпретацию сообществ в Швеции через их европейское гражданство (космополитический национализм).

Несколько иной видится проблема памяти мигрантов в музейном пространстве в США и Канаде. Однако и здесь, несмотря на иммиграционные основы самих этих стран, музеефикация исторического опыта мигрантов получила активное развитие только в 80-е – 90-е годы прошлого столетия. Несмотря на то, что первая постоянная выставка, посвященная иммигрантам, появилась в США в 1972 году, первый большой национальный музей миграции был открыт только в 1990 году на острове Эллис (Ellis Island Immigration Museum). Равно как и в Канаде и в Австралии, исследователи отмечают тенденцию национализации музеями США воспоминаний мигрантов, стремление вписать их в «большую национальную историю», «сделать частью национальной памяти о миграции» (Baur, 2006; McShane, 2001). К слову, первый музей миграции открылся в Австралии в 1986 году, а в Канаде «музей Пьер 21» впустил посетителей в свои залы только в 1999 году. Заметим, что данная тенденция очень схожа с ситуацией, сложившейся в сфере учебников истории и презентации там исторического опыта мигрантов.

Отличительной особенностью американского и канадского опыта музеефикации памяти мигрантов также является практика включения их в выставки и экспозиции, посвященные проблемам этнических меньшинств (Канада, США) в особенности, в выставки, связанные с преодолением расистских взглядов в отношении афроамериканцев (США). Таковы канадский музей прав человека (Виннипег) и музей толерантности в США (Лос-Анжелес). Любопытно, что канадский музей практически не уделяет внимания преступлениям англо- и франкоговорящих колонистов в отношении коренного населения Америки, зато предлагает широкий выбор экспозиций, посвященных Холокосту, геноцидам в Армении, Руанде и Сребренице, а также Голодомору на Украине в 1932-1933 годах. Последняя экспозиция объясняется большой ролью украинского сообщества мигрантов, активно лоббирующих свою культуру памяти в современной Канаде. Характерно, что в случае украинских мигрантов наблюдается ярко выраженное стремление не только заявить о своей памяти, но и активно транслировать ее на историческую культуру Канады (Luciuk, 2000).

ПАМЯТЬ В МИГРАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЙ УРОВЕНЬ

Эпоха мультикультурализма принесла существенные изменения и на ценностном уровне взаимоотношения культурной памяти мигрантов и принимающего общества за рубежом. В отличие от этноцентрической исторической культуры эпохи политики ассимиляции, при всех своих явных и скрытых противоречиях, мультикультурализм утверждает ценности равенства, культурного разнообразия и преодоления любых форм дискриминации по этническому и религиозному признаку. Именно утверждение данных культурных ценностей способствовало общему повороту социально-гуманитарных наук в отношении культурной памяти мигрантов в принимающем обществе. Подчеркнем, не к мигрантам, а к любым этническим и религиозным меньшинствам. В этом принципиальная особенность мультикультурализма и его отношения к памяти Другого. В таком случае культурная память принимающего общества изначально рассматривается в контексте гетерогенности восприятия ее ключевых событий и символических дат. Именно поэтому современные европейские и американские авторы склонны рассматривать Холокост в качестве важнейшего ценностного ориентира, актуализирующего универсальные ценности человеческого отношения к другому. Память в таком случае просто выступает в качестве важного поля развертывания подобных ценностей, кажущихся на первый взгляд противоречащими друг другу: ценности культурного разнообразия и ориентации на универсальные ценности человечества и гуманизма.

Более того, взгляд на культурную память принимающего общества в эпоху мультикультурализма учитывает прежде всего способность этого самого общества быть открытыми для других и изменяться вместе с динамической социокультурной средой. Яркий пример находим в интересном исследовании Ханса Лимана, который подробно изучил трансформацию отношения к иммигрантам со стороны консервативных религиозных групп американского общества. На примере евангелической церкви он показывает, что изменение риторики с анти-иммигрантской на про-иммигрантскую сопровождалось использованием сюжетов библейской истории (изгнание и странствия еврейского народа), переносимой на современную ситуацию со страданиями и жизненными трудностями мигрантов в американском обществе. При этом речь шла не только об отношении к легальным, но и к нелегальным мигрантам. В данном случае особое внимание к мигрантам и их идентичности трактовалось как возвращение к подлинным ценностям христианского наследия. «Если нации, как их характеризовал

Бенедикт Андерсон, являются «воображаемыми сообществами», то они приободрили других адептов евангелической церкви вообразать их церковь и национальные сообщества как мигрирующих людей и таким образом расширять их концепцию национальной идентичности» (Leaman, 2012, p. 123).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху мультикультурализма культурная память оказывается важным символическим ресурсом взаимоотношения между мигрантами и принимающим обществом. Принимая эту мысль в качестве исходного тезиса, тем не менее, необходимо учитывать специфику различных сред мультикультурализма, что в данной статье нашло отражение в сравнительном анализе американского, канадского и европейского опыта взаимоотношения памяти мигрантов и принимающего общества. Было выявлено, что мультикультурализм способствовал формированию представлений об «обществе разнообразия», где сама культура памяти принимающего общества не является однородной. В этих условиях возрастает потребность в обращении к культурам воспоминаний мигрантов, которые до 1980-х годов существовали скорее в виде «параллельных» сообществ памяти. Однако взаимодействие памяти мигрантов и принимающего общества вряд ли можно ассоциировать с культурной диффузией, поскольку культуры воспоминаний мигрантов до настоящего времени скорее встраиваются в те рамки, которые конструируют государственные и негосударственные акторы политики памяти принимающего общества.

Взаимоотношение памяти мигрантов и принимающего общества в данной статье было проанализировано нами в рамках информационно-коммуникативного, институционального и ценностного уровней. Анализ первого уровня выявил важную роль самого принимающего общества и его исторической политики, специфики самой идентичности и культуры воспоминаний мигрантов, ее связи с культурными и в первую очередь религиозными представлениями общества исхода, а также значимость динамики поколений мигрантов. Существенное отличие принимающего общества в эпоху мультикультурализма связано с предоставлением возможностей публичной сферы для тех культур воспоминаний, которые не могут быть встроены в конфигурацию коллективных воспоминаний доминирующего большинства. В таком случае воспоминания мигрантов получают право самим заявлять о себе. Это не столько позволяет преодолевать явные и скрытые конфликты, сколько выстраивать более конструктивный формат взаимодействия культурной памяти мигрантов и принимающего общества. Был выяв-

лен конфликтогенный потенциал фрагментированности культурной памяти сообществ мигрантов.

Более противоречивыми представляются результаты анализа институционального уровня. В статье были проанализированы учебники истории и музеи. В обоих случаях была выявлена тенденция рассматривать память и историю мигрантов как второстепенный опыт, несмотря на широкий общественный резонанс миграционной проблематики на Западе. Характерно, что исторический опыт мигрантов, переселившихся в США и Канаду, осмысливается, прежде всего, как опыт меньшинств, живущих в США и Канаде сегодня. Различие между американскими и канадскими учебниками состоит в том, что если в США исторический опыт мигрантов встраивается в доминирующий американский официальный нарратив, то в Канаде история иммигрантов появляется перед учениками в свете локальной истории региона. В европейских учебниках истории опыт мигрантов оказывается в большей мере приложением, слабо интегрированным к основному курсу истории. Иная ситуация складывается в сфере репрезентации культурной памяти мигрантов в музеях Северной Америки и Евросоюза. В силу того, что музеи и выставки оказываются более гибким инструментом трансформации культурной памяти, тема исторического опыта мигрантов получила значительное влияние, что нашло отражение в появлении большого числа музеев миграции. Ключевой проблемой при этом является недостаточное освещение исторического опыта мигрантов в крупных музеях, а также специфика отношения к музеефикации памяти мигрантов в постсоциалистических странах Восточной Европы. Известные противоречия несет тенденция национализации музеями США и Канады воспоминаний мигрантов, стремление представить их исторический опыт как часть «большой национальной истории».

В отличие от этноцентрической исторической культуры эпохи политики ассимиляции, при всех своих явных и скрытых противоречиях, мультикультурализм утверждает ценности равенства, культурного разнообразия и преодоления дискриминации по этническому и религиозному признаку. Вместе с тем, было выявлено, что ценности культурной памяти мигрантов не выделяются на фоне общего отношения к этническим и религиозным меньшинствам. В этом принципиальная особенность мультикультурализма и его отношения к памяти Другого. Культурная память принимающего общества изначально рассматривается в контексте гетерогенности восприятия ее ключевых событий и символических дат. Именно поэтому современные европейские и американские авторы склонны рассматривать Холокост в

качестве важнейшего ценностного ориентира, актуализирующего универсальные ценности человеческого отношения к другому, ценности культурного разнообразия и ориентации на универсальные ценности человечества и гуманизма.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

Список литературы

- Banham, D., Luff, I., Culpin, C. & Dawson, I. (2009). *History*. London, UK: Hodder.
- Bauerkämper, A. (2017). Holocaust memory and the experiences of migrants: Germany and Western Europe after 1945. In J. S. Eder, Ph. Gassert & A. E. Steinweis (Eds.) *Holocaust Memory in a Globalizing World* (pp.31-45). Göttingen: Wallstein Verlag.
- Baur, J. (2006). Commemorating Immigration in the Immigrant Society: Narratives of Transformation at Ellis Island and the Lower East Side Tenement Museum. In M. König & R. Ohliger (Eds.) *Enlarging European Memory: Migration Movements in Historical Perspective* (pp. 137-146). Ostfildern: Thorbecke.
- Bodeman, Y. & Yudrakul, G. (2008). Learning Diaspora, German Turks and the Jewish Narrative. In Y. Bodeman & G. Yudrakul *The New German Jewry and the European Context* (pp. 73-97). Basingstoke: Palgrave Macmillan,
- Canefe, N. (2011). Home in Exile: Politics of Refugeehood in the Canadian Muslim Diaspora. In J. Creet & A. Kitzmann (Eds.) *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Council (1980). *Council on Interracial Books for Children, Guidelines for Selecting Bias-Free Textbooks and Storybooks*. New York: Texas Univ. Press.
- Creet, J. & Kitzmann, A. (Eds.) (2011). *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Davis, O.L. (1986). People for the American Way. In O. L. Davis, Jr. (Eds.) *Looking at History: A Review of Major U. S. History Textbooks* (pp. 80-86). Washington, DC.
- Eder, J. & Gassert, Ph. (Eds.). (2017). *Holocaust Memory in a Globalizing World*. Göttingen: Wallstein Verlag.

- Ettingshausen, E. (2009). Das Notaufnahmelager in Giessen als Ort der Erinnerung. *Spiegel der Forschung*, 26(2), 22-23.
- Foster, S. (2006). Whose History? Portrayal of Immigrant Groups in U.S. History Textbooks, 1800 – Present. In *What Shall We Tell the Children? International Perspectives on School History Textbooks* (pp. 155-179). Greenwich, Connecticut 06830: IAP Publishing.
- Francois, E. & Schulze, H. (Eds.) (2001). *Deutsche Erinnerungsorte*. München: C.H. Beck.
- Georgi, V. & Ohliger, R. (2009). Geschichte und Diversität. Crossover statt nationaler Narrative? In Hg. von Viola B. Georgi & R. Ohliger (Eds.) *Crossover Geschichte: Historisches Bewusstsein Jugendlicher in der Einwanderungsgesellschaft* (pp.7-25). Hamburg: Edition Körber.
- Glynn, I. & Kleist, O. (2012b). The Memory and Migration Nexus: An Overview. In I. Glynn & J. Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation* (pp. 3-33). London: Palgrave MacMillan.
- Glynn, I. (2012). Famine Commemorations and Asylum Debates in Ireland Conflated. In I. Glynn & J.Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.
- Glynn, J. & Kleist, O. (Eds.) (2012a). *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.
- Gouriévidis, L. (2014). Representing Migration in Museums: History, Diversity and the Politics of Memory. In *Museums and Migration: History, Memory and Politics*. London: Routledge.
- Grant, S.G. (2003). *History Lessons: Teaching, Learning and Testing in U.S. High School Classrooms*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum associates publishers.
- Grindel, S. (2017). Colonial and Postcolonial Contexts of History Textbooks. In M. Carretero, S. Berger & M. Grever (Eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 259-275). London: Palgrave Macmillan.
- Guyot, L. (2011). Locked in a Memory Ghetto: a Case Study of Kurdish Community in France. In J. Creet & A. Kitzmann (Eds.) *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies* (pp. 135-156). Toronto: University of Toronto Press.
- Hahn, S. (2012). *Historische Migrationsforschung*. Frankfurt: Campus.

- Hintermann, C. & Johansson, C. (Eds.). (2010). *Migration and Memory. Representations of Migration in Europe since 1960*. Innsbruck: Studien Verlag.
- Jikeli, G. & Allouche-Benayoun, J. (Eds.). (2013b). *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges*. Dordrecht: Springer.
- Jikeli, G. (2013a). Perceptions of the Holocaust Among Young Muslims in Berlin, Paris and London. In G. Jikeli & J. Allouche-Benayoun (Eds.) *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges* (pp. 105-133). Dordrecht: Springer.
- Junne, G.H. (2003). *The History of Blacks in Canada: A Selectively Annotated Bibliography*. Greenwood: Greenwood Press.
- King, L. J. & Simmons, C. (2018). Narratives of Black history in textbooks: Canada and the United States. In *The Wiley international handbook of history teaching and learning* (pp. 93-116). N.Y.: Wiley-Blackwell.
- Leaman, H. (2012). Remembering Egypt: Evangelicals, Conservatism and Immigration in America. In I. Glynn & J.Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.
- Lerner, R. & Nagai, A.K. (1995). *Rothman S. Moulding the Good Citizen: The Politics of High School History Texts*. Westport: CT.
- Létourneau, J. & Moisan, S. (2004). Young People's Assimilation of a Collective Historical Memory: A Case Study of Quebeckers of French-Canadian Heritage. In P. Seixas (ed.) *Theorizing Historical Consciousness* (pp. 109-129). Toronto: Univ. of Toronto Press, 2004.
- Lozic, V. & Hintermann, C. (2010). Textbooks, Migration and National Narratives – An Introduction. In C. Hintermann & C. Johansson (Eds.) *Migration and Memory. Representations of Migration in Europe since 1960* (pp. 33-39). Innsbruck: Studien Verlag.
- Luciuk, L.Y. (2000). *Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- McShane, I. (2001). Challenging or Conventional: Migration History in Australian Museums. In *National Museums: Negotiating Histories: Conference Proceedings* (pp. 122-133). Canberra: National Museum of Australia.
- Montgomery, K. (2005). Imagining the antiracist state: Representations of racism in Canadian history textbooks. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*, 4(26), 427-442.

- Moreau, J. (2004). *Schoolbook nation: Conflicts over American History Textsbooks from the Civil War to the Present*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press.
- Motte, J. & Ohliger, R. (2006). Men and Women with(out) History? Looking for “Lieux De Mémoire” in Germany’s Immigration Society. In M. König & R. Ohliger (Eds.) *Enlarging European Memory: Migration Movements in Historical Perspective* (pp. 147-160). Ostfildern: Thorbecke.
- Palmberger, M. & Tošić, J. (Eds.). (2012). *Memories on the Move. Experiencing Mobility, Rethinking the Past*. London: Palgrave MacMillan.
- Stremmelaar, A. (2017). Between National and Global Memory. Commemoration of the Second World War in the Netherlands. In J. S. Eder, Ph. Gassert & A. E. Steinweis (Eds.) *Holocaust Memory in a Globalizing World* (pp. 61-77). Göttingen: Wallstein Verlag.
- Tutiaux-Guillon, N. (2017). History in French Secondary School: A Tale of Progress and Universalism or a Narrative of Present Society? In Mario Carretero, Stefan Berger, Maria Grever (Eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 275-295). London: Palgrave Macmillan.
- Üllen, S. & Markom, C. (2016). Memories of Migration(s) in school. *Journal for Educational Research Online*, 8(3), 122-141
- Urry, J. (1996). How societies Remember the Past. In Sh. MacDonald & G. Fyfe (Eds.) *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World* (pp. 45-65). Oxford/Cambridge: Blackwell.
- Whine, M. (2013). Participation of European Muslim Organisations in Holocaust Commemorations. In G.Jikeli & J. Allouche-Benayoun (Eds.) *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges* (pp. 29-41). Dordrecht: Springer.
- Аникин, Д.А. (2011). *Топосы социальной памяти в обществе риска*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.
- Борисов, А.А. (2007). *Мультикультурализм в США: теории и практики*. Пермь: Пермский университет.
- Карачурина, Л. (2008). Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт. *Мировая экономика и международные отношения*, (7), 50-60.
- Линченко, А.А. & Головашина, О.В. (2019). «Русские» в Европе: память о прошлом, идентичность и историческое сознание русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе. *Вестник Томского государственного университета*, (444), 83-92.

- Малахов, В.С. (2014). *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение.
- Савельева, И.М. & Полетаев, А.В. (2008). *Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю*. М.: Новое литературное обозрение.
- Семенов, И. (2006). Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. *Мировая экономика и международные отношения*, (11), 57-71.
- Сизов, И.Ю. (2012). Особенности иммиграционной политики в некоторых зарубежных странах. *Вестник Московского университета МВД России*, (9), 133-138.
- Цапенко, И. (2008). Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов. *Мировая экономика и международные отношения*, (3), 59-69.
- Черкасов, А.И. (1988). Этнокультурные общины и национальная самобытность Канады. *США - Канада: ЭПК*, (7), 83-95.

References

- Anikin, D. A. (2011). *Toposes of social memory in a risk society*. Saratov: Publishing house of the Saratov University. (in Russian)
- Banham, D., Luff, I., Culpin, C. & Dawson, I. (2009). *History*. London, UK: Hodder.
- Bauerkämper, A. (2017). Holocaust memory and the experiences of migrants: Germany and Western Europe after 1945. In J. S. Eder, Ph.Gassert & A. E. Steinweis (Eds.) *Holocaust Memory in a Globalizing World* (pp.31-45). Göttingen: Wallstein Verlag.
- Baur, J. (2006). Commemorating Immigration in the Immigrant Society: Narratives of Transformation at Ellis Island and the Lower East Side Tenement Museum. In M. König & R. Ohliger (Eds.) *Enlarging European Memory: Migration Movements in Historical Perspective* (pp. 137-146). Ostfildern: Thorbecke.
- Bodeman, Y. & Yudrakul, G. (2008). Learning Diaspora, German Turks and the Jewish Narrative. In Y. Bodeman & G. Yudrakul *The New German Jewry and the European Context* (pp. 73-97). Basingstoke: Palgrave Macmillan,
- Borisov, A. A. (2007). *Multiculturalism in the USA: Theories and Practices*. Perm: Perm University. (in Russian)
- Canefe, N. (2011). Home in Exile: Politics of Refugeehood in the Canadian Muslim Diaspora. In J. Creet & A. Kitzmann (Eds.) *Memory and*

- Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Cherkasov, A.I. (1988). Ethnocultural communities and national identity of Canada. *USA - Canada: EPA*, (7), 83-95. (in Russian)
- Council (1980). *Council on Interracial Books for Children, Guidelines for Selecting Bias-Free Textbooks and Storybooks*. New York: Texas Univ. Press.
- Creet, J. & Kitzmann, A. (Eds.). (2011). *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press.
- Davis, O.L. (1986). People for the American Way. In O. L. Davis, Jr. (Eds.) *Looking at History: A Review of Major U. S. History Textbooks* (pp. 80-86). Washington, DC.
- Eder, J. & Gassert, Ph. (Eds.). (2017). *Holocaust Memory in a Globalizing World*. Göttingen: Wallstein Verlag.
- Ettingshausen, E. (2009). Das Notaufnahmelager in Giessen als Ort der Erinnerung. *Spiegel der Forschung*, 26 (2), 22-23.
- Foster, S. (2006). Whose History? Portrayal of Immigrant Groups in U.S. History Textbooks, 1800 – Present. In *What Shall We Tell the Children? International Perspectives on School History Textbooks* (pp. 155-179). Greenwich, Connecticut 06830: IAP Publishing.
- Francois, E. & Schulze, H. (Eds.). (2001). *Deutsche Erinnerungsorte*. München: C.H. Beck.
- Georgi, V. & Ohliger, R. (2009). Geschichte und Diversität. Crossover statt nationaler Narrative? In Hg. von Viola B. Georgi & R. Ohliger (Eds.) *Crossover Geschichte: Historisches Bewusstsein Jugendlicher in der Einwanderungsgesellschaft* (pp.7-25). Hamburg: Edition Körber.
- Glynn, I. & Kleist, O. (2012b). The Memory and Migration Nexus: An Overview. In I. Glynn & J. Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation* (pp.3-33). London: Palgrave MacMillan.
- Glynn, I. (2012). Famine Commemorations and Asylum Debates in Ireland Conflated. In I. Glynn & J.Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.
- Glynn, J. & Kleist, O. (Eds.) (2012a). *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.

- Gouriévidis, L. (2014). Representing Migration in Museums: History, Diversity and the Politics of Memory. In *Museums and Migration: History, Memory and Politics*. London: Routledge.
- Grant, S.G. (2003). *History Lessons: Teaching, Learning and Testing in U.S. High School Classrooms*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum associates publishers.
- Grindel, S. (2017). Colonial and Postcolonial Contexts of History Textbooks. In M. Carretero, S. Berger & M. Grever (Eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 259-275). London: Palgrave Macmillan.
- Guyot, L. (2011). Locked in a Memory Ghetto: a Case Study of Kurdish Community in France. In J. Creet & A. Kitzmann (Eds.) *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies* (pp. 135-156). Toronto: University of Toronto Press.
- Hahn, S. (2012). *Historische Migrationsforschung*. Frankfurt: Campus.
- Hintermann, C. & Johansson, C. (Eds.). (2010). *Migration and Memory. Representations of Migration in Europe since 1960*. Innsbruck: Studien Verlag.
- Jikeli, G. & Allouche-Benayoun, J. (Eds.). (2013b). *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges*. Dordrecht: Springer.
- Jikeli, G. (2013a). Perceptions of the Holocaust Among Young Muslims in Berlin, Paris and London. In G. Jikeli & J. Allouche-Benayoun (Eds.) *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges* (pp. 105-133). Dordrecht: Springer.
- Junne, G.H. (2003). *The History of Blacks in Canada: A Selectively Annotated Bibliography*. Greenwood: Greenwood Press.
- Karachurina, L. (2008). German immigration policy: successful - unsuccessful experience. *World Economy and International Relations*, (7), 50-60. (in Russian)
- King, L. J. & Simmons, C. (2018). Narratives of Black history in textbooks: Canada and the United States. In *The Wiley international handbook of history teaching and learning* (pp. 93-116). N.Y.: Wiley-Blackwell.
- Leaman, H. (2012). Remembering Egypt: Evangelicals, Conservatism and Immigration in America. In I. Glynn & J.Olaf Kleist (Eds.) *History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation*. London: Palgrave MacMillan.
- Lerner, R. & Nagai, A.K. (1995). *Rothman S. Moulding the Good Citizen: The Politics of High School History Texts*. Westport: CT.

- Létourneau, J. & Moisan, S. (2004). Young People's Assimilation of a Collective Historical Memory: A Case Study of Quebeckers of French-Canadian Heritage. In P. Seixas (ed.) *Theorizing Historical Consciousness* (pp. 109-129). Toronto: Univ. of Toronto Press, 2004.
- Linchenko, A. A. & Golovashina, O. V. (2019). "Russians" in Europe: Memory of the Past, Identity and Historical Consciousness of Russian-Speaking Migrants in Central and Eastern Europe. *Tomsk State University Journal*, (444), 83-92. (in Russian)
- Lozic, V. & Hintermann, C. (2010). Textbooks, Migration and National Narratives – An Introduction. In C. Hintermann & C. Johansson (Eds.) *Migration and Memory. Representations of Migration in Europe since 1960*. (pp. 33-39). Innsbruck: Studien Verlag.
- Luciuk, L.Y. (2000). *Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Malakhov, V. S. (2014). *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration*. M.: New literary review. (in Russian)
- McShane, I. (2001). Challenging or Conventional: Migration History in Australian Museums. In *National Museums: Negotiating Histories: Conference Proceedings* (pp. 122-133). Canberra: National Museum of Australia.
- Montgomery, K. (2005). Imagining the antiracist state: Representations of racism in Canadian history textbooks. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*, 4(26), 427-442.
- Moreau, J. (2004). *Schoolbook nation: Conflicts over American History Textsbooks from the Civil War to the Present*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press.
- Motte, J. & Ohliger, R. (2006). Men and Women with(out) History? Looking for "Lieux De Mémoire" in Germany's Immigration Society. In M. König & R. Ohliger (Eds.) *Enlarging European Memory: Migration Movements in Historical Perspective* (pp. 147-160). Ostfildern: Thorbecke.
- Palmberger, M. & Tošić, J. (Eds.). (2012). *Memories on the Move. Experiencing Mobility, Rethinking the Past*. London: Palgrave MacMillan.
- Savelyeva, I. M. & Poletaev, A. V. (2008). *Social Perceptions of the Past, or Do Americans Know History*. M.: New literary review. (in Russian)
- Semenenko, I. (2006). Integration of foreign cultures in developed countries. *World Economy and International Relations*, (11), 57-71. (in Russian)

- Sizov, I. Yu. (2012). Features of Immigration Policy in Some Foreign Countries. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (9), 133-138. (in Russian)
- Stremmelaar, A. (2017). Between National and Global Memory. Commemoration of the Second World War in the Netherlands. In J. S. Eder, Ph. Gassert & A. E. Steinweis (Eds.) *Holocaust Memory in a Globalizing World* (pp. 61-77). Göttingen: Wallstein Verlag.
- Tsapenko, I. (2008). Developed countries: integration policies for immigrants. *World Economy and International Relations*, (3), 59-69. (in Russian)
- Tutiaux-Guillon, N. (2017). History in French Secondary School: A Tale of Progress and Universalism or a Narrative of Present Society? In Mario Carretero, Stefan Berger, Maria Grever (Eds.) *Palgrave Handbook of Research in Historical Culture and Education* (pp. 275-295). London: Palgrave Macmillan.
- Üllen, S. & Markom, C. (2016). Memories of Migration(s) in school. *Journal for Educational Research Online*, 8(3), 122-141
- Urry, J. (1996). How societies Remember the Past. In Sh. MacDonald & G. Fyfe (Eds.) *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World* (pp. 45-65). Oxford/Cambridge: Blackwell.
- Whine, M. (2013). Participation of European Muslim Organisations in Holocaust Commemorations. In G.Jikeli & J. Allouche-Benayoun (Eds.) *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges* (pp. 29-41). Dordrecht: Springer.